

**Виктор
Усов**

Куртизанки Поднебесной

«...Тот факт, что проституция представляет специфически человеческое явление, которому нет аналогии в живом мире, указывает, что она — исконный продукт культуры, в частности особого строя общественной жизни и связанного с ним порядка половых отношений. И этот социальный корень проституции точно так же можно проследить очень далеко в глубь веков, до начала формирования общественных групп»

И. Блох.
История проституции.

Виктор Николаевич Усов — доктор исторических наук, ведущий специалист Института Дальнего Востока РАН.

Считается, что организатором проституции был афинский архонт Солон, который в 594 г. до н.э. учредил несколько государственных борделей, купив для них рабынь. Однако некоторые китайские историки считают, что первые дома терпимости возникли не при Солоне, а в Китае, на полвека раньше — в 645 г. до н.э. Так утверждает в своей недавно вышедшей книге «Секс и китайская культура» Лю Далинь. Инициатором создания публичных домов был министр-реформатор Гуань Чжун (685–642 г. до н.э.). Известный голландский синолог Роберт ван Гулик в книге «Сексуальная жизнь в древнем Китае» также упоминает об этом видном деятеле царства Ци, отмечая, «что с целью увеличения доходов царства он учредил много публичных домов, пользовавшихся дурной славой».

В то же время, судя по китайским источникам, можно предположить, что Гуань Чжун создал дом терпимости и для удовлетворения потребностей циского правителя Хуань Гуна (Хуань Гун, или Сяобо, 685–643 г. до н.э.). В трактате «Чжань го цэ» (III в. до н.э.) сообщается, что именно Хуань Гун учредил при своём дворце «семь рынков с семьюстами домами для женщин».

Храмовой проституции, которая существовала в Древней Греции, Вавилоне, Индии, на Кипре, в Месопотамии, Персии, Японии и других странах, в Китае не было. Это объясняется, по-видимому, особенностями основных китайских философских учений и религий. Китайское идолопоклонство не знало обожествления чувственности, богов половой любви, как Венера или Лакшми, не знало хра-

мовых проституток, как в Индии или Коринфе. Религиозные представления китайцев о мужском и женском начале (*ян* и *инь*) никогда не приводили к культуре, аналогичному индийскому культу *лингама* и *йони*. Китайская мифология содержит крайне мало любовных походов богов.

Нищета китайского населения способствовала распространению проституции в стране. В бедных семьях, для которых родившаяся девочка становилась лишним и тяжёлым бременем, нередко продавали детей особым скупщикам, которые сразу сортировали их: одних девочек воспитывали для публичных домов, других готовили в наложницы, из третьих делали певиц, танцовщиц, совмещающих иногда это занятие с проституцией.

Китайский взгляд на проституцию отличается от европейского, в нём много оригинального и самобытного. По этой причине и опять же вследствие бедности нередко были случаи, когда сами мужья, отцы или братья отдавали своих жён, дочерей, сестёр за особую плату временно, как бы в аренду, в публичные дома или постоянным лицам для сожительства.

Личная и семейная жизнь мужского населения Китая издревле была устроена до-

статочно гибко: наряду с официальными супругами они могли наслаждаться обществом наложниц, куртизанок и служанок. Причём, отношения с этими женщинами «второго сорта» были более близкими, чем с главной женой. Как гласит старая китайская поговорка, жена не может быть столь же желанной, как наложница, наложница – столь же волнующей, как тайная любовница, а тайная любовница – так сводить с ума, как женщина, которая недоступна.

Но содержание наложниц было не по карману для большинства мужчин. А богатых китайцев, нередко содержащих столько наложниц, сколько не имели при дворах даже принцы, было не так уж много. Тем не менее, по мере того как всё больше «китайцев низкого звания стало жаждать общества не только своих жён», возникла потребность в культурных, интеллектуальных и волнующих душу и тело женщинах, которые не обязательно жили бы в доме мужчины. Китайское общество стало приспособляться к изменяющейся ситуации: появляется новый класс женщин – профессионалки, к которым (неважно, куртизанка ли это высшего разряда или заурядная «ночная бабочка») общество относилось с терпимостью и пониманием важ-

Акварель на шёлке. XVII в.

Иллюстрации из анонимной книги эпохи Мин «Дамские утехи».

ности их профессии. Так в Китае стали появляться публичные дома.

Особенно много публичных домов было в династию Тан (618–906 гг.), которая была не только золотым веком китайской культуры, градостроительства и искусства, но также временем крупных социальных изменений и потрясений. В эту эпоху внутрисемейная дисциплина и домострой стали более мягкими, а переселение из одного района в другой стало вполне штатным явлением. «В этом более подвижном обществе, – пишут авторы книги “Тайны китайского секса” Чарльз Хьюмана и Ван У, – девушки впервые получили возможность жить самостоятельной жизнью, и те, кто оказался готов воспользоваться этим шансом, обнаружили, что могут сами добывать средства к существованию. Проституция, если девушки были достаточно привлекательными, не только обеспечивала вполне сносную жизнь, но и давала им то, чего были лишены прочие женщины, – определённую степень личной свободы».

Столица Китая Чанъань была в то время одним из крупнейших политических и культурных центров Азии. Население города представляло собой пёстрое разноязычное сообщество. Буддийские монахи из Индии, несторианские священники и даосские маги, купцы из Самарканда и Бухары, торговцы шёлком и чаем из Сучжоу

и Ханчжоу, молодые учёные, надеющиеся сдать проводившиеся один раз в три года правительственные экзамены на степень *цзиньши*, поэты и художники, мастера политических интриг, чиновники и евнухи. Городу приходилось обслуживать всю эту пёструю, разновозрастную и разноликую, падкую до наслаждений толпу. Поэтому и процветали винные лавки и бордели.

Тон в этой атмосфере чувственных наслаждений задавали молодые учёные. Они штудировали и изучали конфуцианских классиков, оттачивали на них свою кисть, но сами не всегда следовали конфуцианской морали. Стало правилом, что каждый успешно сдавший экзамен устраивал пирושку в Пинканфан, районе публичных домов, известном также как Бэйли – «Северный квартал», площадью примерно в пять гектаров. На северной улице располагались маленькие публичные дома, в некоторых из них было по одной проститутке. На центральной и южной улицах находились большие публичные дома, последняя, ведущая в порт, была самая известная в округе и за её пределами.

«Приют поющих девушек»

Девушки Бэйли были разных категорий: от неграмотных проституток до утончённых куртизанок, разбирающихся в музыке,

рисунке и танцах, владеющих основами литературного языка. В те годы превыше всего среди куртизанок ценилась осведомлённость в изящных искусствах и литературе, а также хорошие манеры. Такие девушки часто были любимицами общества и источником вдохновения для многих величайших поэтов Китая. Их нежно именовали «Цветами на стене» или «Опавшими цветами», потому что поднять их мог каждый. Их также называли «Женщинами ветра и пыли», поскольку попутный ветер мог вместе с пылью занести их куда угодно.

В Бэйли всю ночь горели огни, были слышны смех и музыка. Заведения этого квартала были предназначены для простых граждан. Но в Чанъане были ещё и публичные дома для императорского двора, которые назывались *цзяофан*. Их обитательниц брали во дворец для услады императора, а также для участников банкетов, устраиваемых Сыном Неба.

Сами бордели – а они были открыты не только в столице – именовались довольно романтично: «Приют поющих девушек», «Зелёные беседки», «Голубые покои». Происхождение последнего названия связано с тем, что окна публичных домов имели голубые ставни и часто воспевались в песнях и стихах. Писатель XIII в. Сун Кан создал роман, который назвал «Сёстры из “Зелёных беседок”». В нём автор рассказал о взлёте и падении порочной и злой «приёмной матери». Вот какие практические и бла-

Иллюстрация из анонимной книги эпохи Мин «Дамские утехы».

// лето 2003 //

горазумные советы давала своим «дочерям» главная героиня: «Ваша профессия требует от вас многого, а вместе с вашей юностью проходит и необходимость в вас. Поэтому не переутомляйтесь без нужды, принимайте все подарки и подношения, и всегда запрашивайте самую высокую цену. Богатые клиенты слишком горды, чтобы торговаться ... Самые лучшие клиенты – старики. Они требуют меньше, спят дольше и более снисходительны к капризам и прихотям молодых женщин. Единственный их недостаток в том, что для того, чтобы их возбудить, порой приходится тратить сил не меньше, чем на то, чтобы удовлетворить любовника с драконовским аппетитом. С другой стороны, они готовы заплатить лишние деньги за возбуждающие средства, из которых следует использовать не самые действенные, а самые дорогие. Если же возбуждающие средства не помогают, посоветуйте такому клиенту отдохнуть и польстите ему, упомянув о том, насколько утомительна и важна его работа».

Возбуждающие средства, судя по старым хроникам, были хорошо знакомы уже в древнем Китае. К примеру, самый знаменитый первый историограф страны Сыма Цянь в своих записях о жизни последнего иньского правителя Чжоу Синя уже приводил составы возбуждающих средств, которыми последний охотно пользовался. Вот они:

«Трёхдневное блаженство»: соя, penis быка Нюбянь, свежий корень женьшеня и сушёная человеческая плацента.

«Небесный гром»: языки сотни павлинов Фэнхуан – «огненной птицы», приправленные острым перцем из восточных провинций и спермой юношей, достигших половой зрелости.

«Лев на охоте»: сваренные на медленном огне медвежьих лапы, приправленные толчёным рогом носорога Шинюцзяо и дистиллированной мочой.

За тысячелетия эти средства видоизменялись, но продолжали активно применяться.

Большинство девушек для борделей приобретались по контракту у бедных родителей, часто у крестьян. Некоторых просто похищали, иные же добровольно избирали себе эту древнюю профессию. Попав туда, девушки были обязаны пройти регистрацию и оказывались в одном из бесчисленных, обнесённых стенами комплексов, на которые, в соответствии с категориями его «ночных бабочек», был разделён этот квартал. Они получали суровое обучение приёмам древнейшей профессии, иногда с применением хлыста и розог. Хозяйки заведений *цзяму* – «приёмные матери» – сами

обычно были когда-то «Опавшими цветами», вложившими свои накопления в юных воспитанниц. В свою очередь, эти девушки считались «приёмными дочерьми», и, поскольку у них не было никаких причин стыдиться своей профессией, часто отношения между «матерью» и «дочерью» бывали столь же близкими, как и в обычной семье.

Покинуть квартал его обитательницы могли только в том случае, если их нанимали для развлечений гостей на каком-нибудь официальном празднестве, или в установленных дни для участия в службах в находящемся поблизости буддийском храме.

Поскольку каждая куртизанка и проститутка мечтала о том, чтобы её выкупил какой-нибудь достойный гость и взял в жёны или наложницы, эти девушки стремились соответствовать высоким требованиям. Как уже говорилось, многие были искусны в сложении стихов. И немало их произведений сохранилось. Вообще же в период династии Тан насчитывалось более 800 женщин-поэтов, это очень большой процент от общего числа 2200 поэтов той эпохи.

Самыми известными были Юй Сюаньцзи и Сюэ Тао.

Юй Сюаньцзи (844–871) родилась в столице Чаньань в семье среднего достатка. Она была очень привлекательна, имела природную склонность к танцам и пению, любила весёлую жизнь и рано начала встречаться с молодыми студентами, ищущими развлечений. Так Сюаньцзи приобщилась к китайской литературе и сама начала сочинять стихи.

*Я от вина хмельная,
Стихи допоздна слагаю.
В мыслях мы друг о друге,
А на дворе весна.
Весточку в непогоду
С путником посылаю
И, терзаясь душою,
Не отхожу от окна.
Шторы подняв, взираю,
На далёкие горы.
Словно вешние травы,
В сердце растёт тоска...
С друзьями небось пируешь
В эту позднюю пору.
Да так, что от громких песен
Сыплется пыль с потолка?*

(Пер. М.Басманова)

Одна из немногих, Сюаньцзи посмела выступить против конфуцианского домостроя, открыто заявить в своих стихах о праве женщины на самостоятельность, на свободный выбор возлюбленного. Вскоре Сюаньцзи стала настолько популярной, что могла жить исключительно за счёт

своих поклонников, не будучи официально зарегистрированной как проститутка.

Сюэ Тао (768–831) была родом из состоятельной столичной семьи. Чиновник-отец позаботился, чтобы дочь получила хорошее классическое образование. Ещё восьми лет от роду девочка начала сочинять стихи. Когда отца направили на службу в провинцию Сычуань, он взял дочь с собой. После его ранней кончины Сюэ Тао осталась одна без средств к существованию. Она вынуждена была, чтобы заработать себе на хлеб, зарегистрироваться в Чэнду как проститутка. Вскоре, благодаря своей красоте и уму, она стала довольно известной. Многие знаменитые поэты того времени, к примеру, Бо Цзюйи и его приятель Юань Чжэнь, оказываясь в Сычуани, навещали Сюэ Тао.

Считалось правилом хорошего тона каждому процветающему сановнику иметь одну или несколько танцовщиц. Жёны и наложницы оставались дома, а этих девушек брали с собой, дабы они оживляли и украшали вечеринки танцами и песнями, подавали вино и поддерживали дружескую беседу. У знаменитого поэта Ли Тайбо было две таких подруги, а у Бо Цзюйи в разные периоды его жизни имелось по несколько девушек, и даже строгий конфуцианский ученый Хань Юй (768–824) содержал танцовщицу, которая являлась его бессменной спутницей.

Выкуп знаменитых куртизанок из публичных домов был делом довольно дорогостоящим, не всем по карману. Следовало

Танская куртизанка Сюэ Тао.
Альбом рисунков У Ю, художника XIX в.

возместить не только капитал, затраченный на подготовку девушки, но и возможные будущие доходы от её профессиональной деятельности, а также первоначальную стоимость «ночной бабочки», если она была куплена у отца. Предприимчивые «матери» не упускали случая продать своих «дочерей» любимому поклоннику.

Красные фонари над винными лавками

В период династии Тан и ранее в Китае уже были известны различные формы венерических заболеваний. Но до конца эпохи Мин (1368–1644) распространение подобных заболеваний не принимало угрожающих размеров, прежде всего благодаря приверженности китайцев к чистоплотности в половой жизни. Сифилиса в Китае не было до начала XVI века. Занесли его на китайское побережье европейские моряки, а затем он распространился по всей стране. О появлении этой ужасной венерической болезни стало известно из медицинских сочинений того времени. Так, врач Юй Бянь в дополнении к своему трактату «Ишо», опубликованному в 1545 г., отмечает: «В последние годы эры Хунчжи (1488–1505) население начало страдать от тяжёлого кожного заболевания, которое пришло из Кантона. Жителям Центрального Китая эта болезнь неизвестна, и они дали ей название “кантонская язва” или “язва цветущей сливы”». Юй Бянь приводит

Сцена в публичном доме.
Минский ксилограф «Ле нью чжуань».

в своей работе подробное описание симптомов болезни.

Эпидемия сифилиса, вспыхнувшая около 1630 г., была подробно описана в медицинском трактате *Мэй чуан би лу* – «Тайные записи о гнойных язвах», опубликованном в 1632 г. врачом Чэнь Сячэном. Китайским врачам было ясно, что основной причиной заболевания является половое сношение. Китайцы пытались даже использовать сифилис в борьбе против англичан (по известному принципу Поднебесной: бороться с варварами руками, а в данном случае – болезнью варваров). Во время осады Кантона 1857 г. английскими войскам китайские власти согнали к городу всех публичных девиц, поражённых венерическими болезнями, чтобы заразить нападавших, что им и удалось сделать.

Довольно много публичных домов было и в эпоху Сун (960–1279). В те давние времена в городе Ханчжоу, столице Южной Сун, они занимали целые кварталы. Тогда было три категории домов терпимости: бордели с проститутками самого низшего класса, предназначенных для людей малообеспеченных и солдат; винные лавки, где можно было найти также и проституток; заведения высшего класса, где посетителям предлагали опытных, образованных куртизанок. В подробном описании Ханчжоу, составленном в то время учёным У Цзыму, отмечено, что армия основала за пределами городских стен несколько дешёвых борделей, предназначенных в первую очередь для солдат, равно как и для гражданских лиц, не располагавших достаточными средствами для посещения дорогих заведений. В других, более поздних источниках уточняется, что проститутки для армии вербовали в местных борделях и даже назначали им регулярное месячное жалование.

Винные лавки *цзюлоу* делились на две группы: контролируемые властями и находящиеся в частных руках. Первые подчинялись министерству финансов, в каждой из них было по несколько десятков «государственных проституток». Эти заведения обычно посещались правительственными чиновниками, простым смертным попасть туда было непросто.

Находящиеся в частных руках дома, которых насчитывалось около двух десятков, имели шикарные рестораны, где одновременно предлагались и девочки. «Каждая из перечисленных винных лавок имеет несколько десятков комнат. Пиалы и вазы там из серебра, и всё утопает в роскоши. В заведении имеются несколько десятков нигде не зарегистрированных куртизанок, оде-

Фрагмент иллюстрации из альбома «Китайские красавицы» эпохи Чунчжэнь. XVII в.

тых по последней моде и владеющих в совершенстве искусством ублажать гостей, — пишет Чжоу Ми (1232–1308) в своём сочинении «Дела древнего Ханчжоу». — Летом они щедро украшают свои причёски цветами жасмина, которые распространяют по улицам благоухающие ароматы. Склонившись над перилами, эти девушки зазывают клиентов, что называется «продажей для гостей». Их сопровождают юные служанки, которые толпятся вокруг незанятых гостей и во весь голос горланят песни в надежде получить чаевые — это называется «очищать гостей». Кварталы, где находились эти винные лавки, свидетельствует автор, были наполнены музыкой и звонким смехом от зари и до заката, целыми днями, а иногда и ночами, и в дождливую, и в ветреную погоду, и зимой, и летом перед ними стояли повозки и кони, ожидающие своих клиентов».

В другом источнике сунского времени мы находим описание внутреннего и внешнего убранства этих винных лавок: «Заведения, именуемые «домами-обителями певичек» занимаются поставкой женщин гостям. Для этой цели на втором этаже тайно устанавливают кровати. У входа в эти особые дома развлечений вывешивают фонарики из бамбука, обтянутые красным шёлком; они висят там и в ясную, и в дождливую погоду, поскольку защищены абажуром, сплетённым из бамбуковых листьев. Именно по этим фонарям можно распознать подобные заведения. В более крупных ресторанах девушек используют лишь для того,

чтобы они прислуживали гостям во время выпивки; только постоянным клиентам разрешается спать с этими женщинами».

Посетителями этих заведений были представители среднего торгового сословия и низшие государственные чиновники.

Бордели высшего класса — дома певичек *зэгуань* или «чайные домики» — *чафан* располагались в квартале Пинкан, о котором уже упоминалось выше. В них находились владевшие искусством поэзии, танца и пения красивые и опытные куртизанки. Их посещали высокопоставленные сановники, состоятельные торговцы, богатые писатели, художники, влиятельные меценаты, что обходилось им в копейку. Так, стоило гостю войти в «чайный домик», как уже за первую чашку чая из отборных цветов, он был обязан заплатить несколько связок монет. Затем его вели на верхний этаж, где потчевали спиртным, за что вновь требовалось выложить так называемую «плату за выпивку». И только после таких церемоний появлялись девушки, из числа которых гости могли выбрать себе достойных подруг. Девушки подавали выпивку и закуски: тогда-то и начиналось веселье.

Венецианский купец Марко Поло, попавший в Китай в XIII в., рассказывая о жизни в Пекине (Канбалу), отмечал: «Грешницы, мирские, значит, жёны, что за деньги людям служат, в городе жить не смеют; живут они по предместьям, и не поверите, сколько их тут. Добрых двадцать тысяч! И все за деньги служат, и все заняты. Потому что каждый день множество купцов и иностранцев приходит и уходит. Если столько

Фрагмент иллюстрации из альбома «Китайские красавицы» эпохи Чунчжэнь. XVII в.

мирских жён, легко понять, сколько же народу в Канбалу». Марко Поло привели в восхищение «дома удовольствия» и в других городах Китая, в частности в Ханчжоу (Кинсаи).

Всемирная столица греха

В минскую эпоху центрами проституции были два города: Пекин и Нанкин. В Нанкине особо славился квартал публичных домов – Циньхуай, расположившийся вдоль реки. Большую часть времени девушки проводили в «расписных лодках» – *хуафан*, великолепно оборудованных плавучих публичных домах. На борту устраивались шикарные пирушки с песнями и плясками, а гости могли оставаться там на всю ночь. Юй Хуай, писатель времён династии Мин, поэтически называл это место «столицей бессмертных в мире сладострастия». Широкая известность этого квартала подтверждается подробным описанием его и другими китайскими авторами.

Много публичных домов было в Датуне и Янчжоу. Китайский поэт Ду Му (803–852) писал:

*Проведя лет с десяток
в Янчжоу,
Я прощаюсь с красотками
из «Зелёных беседок»,
А они льют печальные слёзы,
Говоря мне с упрёком, что я их бросаю...*
(Пер. М.Басманова)

Цинский автор Ли Тоу специально посвятил свой обстоятельный трактат «расписным лодкам» Янчжоу, который так и называется «Янчжоу хуафан лу».

Эти сочинения дают нам представление о том, насколько огромное влияние оказывали «весёлые» кварталы на культурную жизнь крупных китайских городов. Их посетителями являлись крупнейшие учёные, писатели и художники той поры, и благодаря им был задан тот высокий уровень красоты и мастерства куртизанок, о котором рассказывается в этих трактатах. В этой

Фрагмент иллюстрации из альбома «Китайские красавицы» эпохи Чунчжэнь. XVII в.

среде рождались многие новые жанры пения и инструментальной музыки, которые сохранили популярность вплоть до XX века.

К закату Цинской династии (1644–1911) главным центром проституции в Китае стал Шанхай, который пользовался репутацией «всемирной столицы греха» и в 20–30-х годах XX века. В городе тогда было около 3 тысяч борделей. Центр «домов для удовольствий» был сосредоточен в районе улиц Сыма лу и Лао Чэнсян. На Сыма лу были заведения низшего разряда. В этом же районе находились сотни две танцевальных залов. В свою очередь, среди заведений как низших, так и высших разрядов были такие, где услуги предоставлялись китайцам и иностранцам отдельно, а были и смешанные. Они работали круглые сутки.

Обычно это были двухэтажные дома. Верхний этаж разделялся на маленькие каморки, каждая из которых имела свою обитательницу, а в центре находился общий зал с роскошной мебелью и дорогими картинами. Жалюзи – голубого цвета. Вечером они раскрывались, зажигалось множество ламп и из дома

раздавалось пение и музыка. В китайских романах эти дома ещё называются «полями сверкающих цветочков» и «клубами мандариновых уток». Улицы, где располагаются такие дома, называли «цветочными» – *хуацзе* или ивовыми аллеями.

В старом Пекине в цинское время целые кварталы состояли почти сплошь из публичных домов, особенно знаменитым был *Ванти хутун* – «Переулок княжеской кожи». Надписи на увеселительных заведениях были чисто в китайском духе: «Горы и море» или «Храм распускающегося грушевого цветка» и т. д. Публичные дома в столице, как утверждают очевидцы, были четырёх видов в зависимости от достатка гостя: уличные, простенькие, их называли *дуань-янь-цзы* – «На коротких оглоблях», то есть наскоро; общедоступные – *шу-яо-цзя*;

средние – *чжун-ди-фан*, «Среднее пространство» и, наконец, богатые – *да-ди-фан*, «Большое пространство».

В публичных домах умели должным образом очистить карманы клиента. Чаще всего попадались провинциалы, приехавшие в крупный город. В Кантоне таких провинциалов называли «злыми горными дьяволами». Их «грабили» всяческими, в том числе и изощрёнными, способами. Заманив на «цветочное судно», девица могла после богатого ужина с одурманивающими напитками разыграть перед деревенщиной невинность, дополнив небольшой порцией крови иллюзию своей девственности. Утром несчастный, весьма поражённый, должен был заплатить значительную сумму за проведённую ночь.

Часто такие заведения были местом для деловых и торговых контактов, а иногда просто развлечений в обществе красивых и остроумных женщин. Китайскому мужскому обществу хорошо обставленные публичные дома заменяли европейские клубы, собрания, концертные залы.

Вот как рассказывается о посещении публичного дома главным героем Цзин Симэнем в известном романе XVII века «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй». Облечившись в свой лучший летний халат и надев чёрные с белым туфли, он прибывает в паланкине в публичный дом, чтобы провести вторую половину дня со своей новой избранницей. При входе в заведение его приветствует мадам, которая приказывает «приёмной сестре»

Рисунок на шёлке. Конец XIX – начало XX в. Из собрания РГБ. Публикуется впервые.

Иллюстрация из анонимной книги эпохи Мин «Дамские утехи».

по имени Восхитительная позвать красавицу и попотчевать гостя чаем. Появляется Лунный Луч, и внешность её оказывается столь же нежно ослепительной, как и её имя. У неё юбка и халат белого, пурпурного и зелёного цветов, красные туфли, её движения сопровождаются позвякиванием драгоценных украшений. Прикрывшись золочёным веером, она потягивает чай, и обрамляющие её лицо блестящие тёмные волосы подобны ночному небу вокруг луны. По окончании официальной церемонии встречи Цзин Симэня проводят в комнату Лунного Луча. Здесь служанка подаёт им на позолоченных блюдах лёгкие закуски – душистые пирожные и сладкие пельмени. Закусив, они играют в мацзян фишками из слоновой кости, а по окончании игры служанка подаёт вино и фрукты. Пребывая теперь в чувственном настроении, Лунный Луч берёт в руки лютню, а Восхитительная – цитру, и они вдвоём развлекают гостя любовными песнями.

Молодые люди и семейные мужчины часто посещали подобные публичные дома именно ради приятной беседы и хорошего обхождения. Если же какая-то девушка нравилась, то было не зазорным ласкать её, гладить грудь, наслаждаться красивым телом, что выражалось термином *мо-со* (досл. «щупать»), но не допускалось полное обладание ею.

Иллюстрация из анонимной книги эпохи Мин «Дамские утехи».

В условиях конфуцианского домостроя, когда существовали положение о необходимости сохранения невинности до замужества китаянки и строгие традиции, исключавшие для неженатых мужчин всякую возможность романтического ухаживания вследствие полного затворничества девушек из порядочных семей, объектами внимания для молодых китайцев становились «Опавшие Цветы». Причём, зачастую сами отцы, желая, чтобы их чадо наилучшим образом подготовилось к роли любовника и мужа, знакомили сыновей с куртизанками, чтобы те стали их наставницами, и довольно щедро им платили за высокое качество сексуального обучения.

На «цветочных лодках»

По мере оживления торговли с иноземными купцами обязательной принадлежностью большинства прибрежных районов стали плавучие бордели – «цветочные лодки», соответственно и девушки, доставлявшие сексуальное наслаждение, назывались «цветочными» – *хуанюй*. «Это плавучие рестораны и дома терпимости, празднично освещённые вечером различными лампочками, – писал Кнохенхауэр. – Они расположены на реке друг подле друга и благодаря отражению тысяч огней в воде действительно представляют волшебное

зрелище. Нижние этажи судов предназначаются для низших классов. Это публичные дома низшего разряда, в которых царит вольное, ничем не стесняемое обращение и большое оживление. Пространство, предоставляемое в распоряжение каждого, занимает не больше места, чем полка в спальном железнодорожном вагоне. А наверху, в салоне, веселится высший свет, золотая молодежь Кантона, предаваясь кутежу и слушающая музыку. Внутреннее убранство чрезвычайно роскошно, много позолоченной или лакированной резьбы и прелестных шелковых тканей. И всё это при избытке света, распространяемого дюжиной больших и ярко горящих керосиновых ламп».

Проститутки «цветочных лодок» обычно именовались «Небесными водяными лилиями». Нередко «цветочные лодки» представляли собой настоящие плавучие дворцы с собственными ресторанами и банями и флотилией джонок и сампанов для доставки клиентов с берега на борт. Освещённые лунной и украшенные цветами, вьющимися растениями и декоративными фонариками, обдуваемые прохладным ветерком, столь приятным после изнуряющего жаркого дня, и слегка покачивающиеся на волнах «цветочные лодки» создавали чрезвычайно романтическую обстановку.

Эти суда бывали длиной от 60 до 80 шагов, а шириной около 15. На задней части лодки устраивалась платформа, которая позволяла переходить с одной лодки на другую, когда они стояли на якоре. Комната на корме служила своего рода передней

Рисунок на шёлке. Конец XIX – начало XX в. Из собрания РГБ. Публикуется впервые.

Лубочные картинки няньхуа. Конец XIX – начало XX в. Из собрания РГБ. Публикуются впервые.

главного зала, который занимал почти половину лодки. У входа по бокам обычно имелись места, предназначенные для курильщиков опиума. Дальняя комната или спальня была скрыта от глаз деревянной перегородкой, с каждой стороны она закрывалась занавесками или ставнями. Над входом находился фронтон с резьбой, раскрашенный в самые яркие цвета. Пол главного зала устлан коврами, а с потолка свешивались европейские люстры и светильники с хрустальными подвесками.

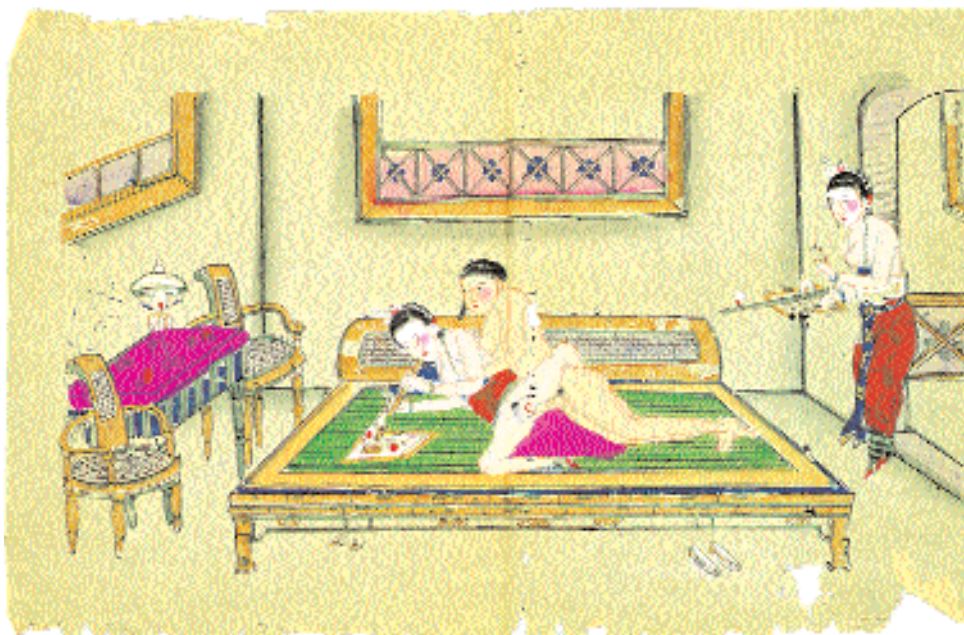
Китайцы, как правило, не посещали эти суда в одиночку. Обыкновенно собиралась компания из 10–20 знакомых, которая и снимала заведение на вечер. За приличную цену хозяин лодки устраивал хороший ужин, предоставлял девиц, приглашал оркестр музыкантов, а «цветочные девушки» должны были веселить гостей своими песнями и разговорами. После последнего блюда начинались общие игры, а к концу пирушки все расходилось парочками, желающие могли провести ночь на маленьких лодках, построенных точно так же, как и большие.

Условные знаки, подаваемые «ночным бабочкам», чтобы привлечь их внимание, были весьма разнообразны, эти «секретные знаки» были очень хорошо известны китайцам. Если встречаешь женщину в своём вкусе и желаешь с ней поговорить, то нужно указательным пальцем тереть под носом. Ударяя тем же пальцем по мочке уха, говорят: *фи*. Когда правой рукой шлёпают по левой, то это значит «отказать». Были ещё другие знаки – например, соединяли пальцы, кроме указательных,

которыми тёрли друг друга так же, как точат два ножа, или же делали пальцами движения, как при игре на кастаньетах. Посредством этих условных знаков на пальцах или же при помощи веера (до сего дня он в широком обиходе у китайцев, особенно в жаркое время года), которым обмахивались известное число раз, назначали также цену и час свидания.

Как мы видим, и в цинское время проституция в Китае была довольно распространённым явлением. Надзор полиции сводился обычно только к получению мзды от хозяев заведений и полного невмешательства во внутреннюю жизнь увеселительного квартала, хотя в уложениях и законодательствах Цинской династии существовал целый ряд законов, строго карающих за проституцию. Так, за продажу жены или наложницы другому лицу, на основе данных уложений, виновный присуждался к 60 ударам палки. Аналогичному наказанию

Лубочные картинки няньхуа. Конец XIX – начало XX в. Из собрания РГБ. Публикуются впервые.

подвергался и покупатель. Сановник, военный или гражданский, берущий в жёны публичную женщину из категории певиц или музыкантш, получал 60 ударов палки и выгонялся со службы. Чиновник, военный или гражданский, обладающий учёной степенью, за посещение публичных домов или даже за участие в обеде с публичными женщинами подвергался разжалованию и лишению должности. Украдший честную девушку или женщину, либо купивший их для помещения в публичный дом, подвергался наказанию в виде ношения *канги* в течение трёх месяцев, ссылки на три года и 100 ударов палкой.

Однако, судя по имеющимся материалам, данные законы применялись довольно редко. На проституцию простые китайцы, официальная власть и судьи смотрели весьма снисходительно. В некоторых исключительных случаях продажа или передача жены в публичный дом являлась по-

ступком не только не предосудительным, но, по китайским меркам, даже похвальным. Например, когда жена продаётся мужем для поддержания родителей. Называлось это специальным термином *майци янлао*, что означало проявление сыновней любви к престарелым родителям.

Обычай отдавать своих жён в пользование другим ради получения средств к существованию в бедных семьях был распространён в таких провинциях, как Чжэцзян, Гуандун и Цзянсу. В старом Китае был ещё один довольно оригинальный обычай: в случае отсутствия детей в семье или если рождались только девочки, разрешалось «заложить жену». Один шанхаец заложил таким образом свою суженую на три года по 50 долларов в год и деньги получил вперёд. У счастливой парочки действительно родился сын. Аналогичный случай был в Нинбо, где муж отдал свою жену знакомому на два года.

В деревнях в голодные годы, чтобы поправить свои финансовые дела и не продать последнее имущество, жалкий клочок земли и старый плуг, иногда доставшийся от предков, крестьянин сдавал свою жену в аренду на 3–4 года какому-нибудь богачу, жена которого была бездетна. Если в продолжение обусловленного договором времени женщина не рожала временной семье сына, срок мог быть продлён...

Такова история этой древнейшей профессии. С образованием КНР новое правительство, искореняя феодальные пережитки в стране, стало вести борьбу с азартными играми, употреблением нар-

котиков и проституцией, доставшимися им в наследство от старого общества. Уже 21 ноября 1949 г., то есть менее чем через два месяца после провозглашения народной республики, пекинские власти приняли решение о закрытии всех публичных домов в столице. Более 200 владельцев этих заведений были арестованы, а свыше тысячи женщин лёгкого по-

ведения направлены в исправительные лагеря. Вслед за Пекином аналогичные мероприятия были осуществлены в Шанхае, Тяньцзине и других крупных городах страны. Однако, несмотря на жёсткие меры, в КНР так и не удалось ликвидировать проституцию, хотя масштабы её стали значительно меньшими. Но это уже тема другой статьи.

В оформлении статьи использованы иллюстрации из книги: Yun Yu. Studie über Erotik und Liebe im Alten China. – Stuttgart – München – Genf – Paris, 1970.